

Людвиг

Татьяна Андриевских

Татьяна Андриевских Людвиг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70077370

SelfPub; 2024

Аннотация

Удивительная история, основанная на реальных событиях, о том, как человеческий младенец помог вырастить младенца пощупов – скрытных лесных существ.

Татьяна Андриевских

Людвиг

Глава I

Эта удивительная история произошла с одной маленькой девочкой – Анюткой. Хотя в ту пору ей было два "с хвостиком", она уже отличалась сильным независимым характером и была очень решительная. Возможно, сейчас особо недоверчивый читатель с негодованием захлопнет эту книгу, воскликнув: это невозможно, она слишком маленькая! Но тут уж ничего не поделаешь: даже под угрозой потери читателя автор не мог погрешить против истины, добавив Анютке пару-тройку лет для большей достоверности нашей истории. Да и что сказала бы Анютка, узнай она, как вероломно исказили мы её возраст в угоду насмешливым скептикам.

Итак, однажды ночью над спящей девочкой склонились три тёмные кряжистые фигуры, и когтистая рука, вся покрытая роговыми чешуями, коснулась её лица. Анютка открыла глаза: перед ней стояли *пощупы* – папа, мама и сын. *Пощупы* – страшный и тёмный лесной народ, живущий в глубоких земляных норах под лесными озёрами. И если вам не приходилось раньше слышать про них, то это и к лучшему, ведь *пощупы* – не те существа, с которыми хочется подружиться или приручить их. Если уж говорить совсем начистоту, то

пощупы настолько неприятны, что люди и знать про них не хотят. Откуда только взялось это странное название – “пощупы”?! Ведь если вы увидите пощупа, то меньше всего вам захочется его пощупать. Старики говорят, что есть и другие названия у этого народа: в Архангельской и Вологодской областях их называют “вошкúры”. И это имя им больше подходит. Но как бы там ни было, как бы они ни назывались, лучше держаться подальше от тех мест, где были замечены их следы.

И вот, три чёрные фигуры склонились над детской кроваткой и из темноты смотрели на девочку. Лица у пощупов были ужасные. Глаза сидели так глубоко в голове, что их было почти не видно. Лишь изредка в свете луны глаз мерцал, словно вода на дне глубокого ущелья. Зубы были очень длинные и узкие. У старших пощупов – коричневые, похожие на дубовые веточки, у сына – жёлтые, как сухие макароны. Носы у них тоже были отвратительные.

– Зачем пожаловали, пощупы?

Девочка попыталась сказать это невозмутимо. Но на самом деле, она, конечно, была очень напугана. Под одеялом ее ручки и ножки тряслись так, что кровать ходила ходуном. Пощупы это подметили и усмехнулись.

– Вставай, – прорычали они, – Ты уходишь с нами.

Девочка была в отчаянии, но вдруг её осенило.

– Шульц, Белогубый! – закричала Анютка, обращаясь к портретам волков, которые висели над ее кроватью и при-

званы были охранять девочку от пощупов.

Тут надо сказать, что пощупы, несмотря на свою свирепость, сами не такие уж и смельчаки. Они очень тёмные и дремучие, живут в плену суеверий и верят в защитную силу железных шлемов, под которыми прячутся от своих страхов – волков, сов и грома.

Пощупы, как только увидели портреты, бросились к выходу, а папа-пощуп рванул к балкону, вышиб стеклянную дверь и одним прыжком перемахнул через перила. Через пару секунд послышался звук удара о землю. Страшный вопль и скрежет зубов пронзили ночную морозную тишину. Подоспевшие мама с сыном утащили раненого отца в лес.

Но спустя некоторое время пощупы появились вновь. На этот раз они были в железных шлемах.

– Шульц, Белогубый! – снова крикнула Анютка, но пощупы с победоносным видом остались стоять на месте. Из-под шлемов доносился их глухой сдавленный хохот. Потом они заговорили:

– Мы слышали, ты добрая и надежная девочка, – загудел папа-пощуп.

– А нам нужна нянька. Малыш у нас родился. Слабенький он очень, – из-под шлема на пол капнула слеза. Но папа-пощуп быстро овладел собой.

Одевайся, живо! – продолжил он уже совсем другим тоном. – Не то в пижаме по снегу поведем.

– Я никуда не пойду, – твердо сказала Анютка.

– Ах, вот как, – угрожающе загудел из-под шлема пощуп. – Ну, тогда... Он поднял огромную руку, всю покрытую роговыми наростами, и когтями хотел полоснуть спящего Анюткиного папу по спине.

– Хорошо, – сказала девочка, – Я иду с вами.

Она надела штанишки наизнанку, ботинки наоборот, курточку задом наперед, и торопливо последовала за пощупами. Но девочка не успевала бежать за ними. Ножки ее вязли в снегу, она то и дело падала. Тогда мама-пощуп схватила её грубо и сжала у себя под мышкой.

По ночному лесу, едва касаясь земли, летели пощупы, как птицы. Они перепрыгивали через сугробы, поваленные деревья, и мокрые волосы, как змеи, хлестали их по спинам.

По пути, когда Анютка немного осмелела, она решила разузнать про малыша-пощупчика, которого ей предстояло возвращать.

– Чем питаются пощупы? – спросила она.

– Лучше тебе этого не знать, – ответил папа-пощуп, и добавил – А пьют они древесный сок.

– Но чем же я буду кормить малыша?

– Колбасами. У нас есть запасы.

Анютка вспомнила – недавно в городе был шум – ночью неизвестные взломали и разграбили колбасный фургон. Теперь девочка знала – вот они, похитители колбас.

– Как зовут пощупца? – спросила Анютка.

– Людвиг, – последовал ответ.

Глава II

Пощупы жили в пещере под озером. Когда Анютка оказалась в их логове, она подивилась, как же там было неуютно! Холодно, сыро, уныло. Из земляных стен свисали белые корни деревьев, как аморфные, печальные червяки. Поеживаясь, Анютка отправилась бродить по подземелью. В одном темном закутке она услышала странные звуки и заглянула туда. В гнезде, сплетенном из веток и корней, лежал младенец-пощуп. Это и был Людвиг. Малыш выглядел худеньким и слабым, щетинами и чешуями он еще не оброс, и казался очень несчастным. Когда Анютка рассматривала малыша, подошел папа-пощуп.

– Что скажешь, Анютка?

– Мальчонка очень худенький, – просто ответила Анютка, и добавила:

– Я сделаю все, что смогу, для Людвига.

Когда старшие пощупы удалились, девочка стала думать о своих родителях – как бы им сообщить, что с ней все в порядке, что она жива и здорова?

Вдруг она услышала странный шум – хруст или потрескивание. Звук был очень слабый, едва различимый, и доносил-

ся сверху. Вместе с этим звуком в пещеру проникли страх и паника. Пощупы засуетились, забегали по своим узким земляным коридорам. Сталкиваясь друг с другом, они скрежещали чешуями.

– Что это? – спросила Анютка.

– Озеро замерзает, – сказал папа-пощуп, и указал на хруст, исходящий сверху.

Пощупы своротили большой валун, под которым оказался люк в недра подземелья, и на длинных корнях, как на веревках, стали туда спускаться.

– Постойте! – закричала Анютка. – Что происходит?!

– Мороз усиливается, озеро замерзает, – сказал папа и исчез в темноте колодца.

– Мы плохо переносим такие морозы, – поспешно добавила мама и тоже прыгнула в люк.

Анютка подбежала к краю колодца и крикнула:

– Что делать с Людвигом?

– Спаса-а-а-ай Люююдвига-а-а-а-а-а-а... – эхом отозвалось из глубины.

Оказывается, что еще больше, чем волков, пощупы боятся сильных морозов. В это время они отсиживаются в глубинах подземелья, прихватив с собой побольше свежей добычи.

Итак, следуя советам пощупов, а также по велению своего доброго сердца, Анютка завернула Людвига в шкуры, которые нашла в подземелье, взвалила его на спину и, привязав к ногам снегоступы, отправилась домой. Бедная маленькая

девчушка брела по ночному лесу, сторбившись под тяжестью младенца-пощупа и приговаривая: «держись, Людвиг, не замерзай». В свете луны она видела, как вдалеке, за деревьями, мелькала фигура старшего сына-пощупа. Парень преследовал лося.

Глава III

К счастью, родители Анютки еще спали и отсутствия дочки не заметили. Анютка накормила своего подопечного детским питанием и уложила в плетеную люлечку, из которой сама давно выросла, и которая служила теперь складом чистого белья. Задвинув поглубже под кровать снегоступы, девочка улеглась в свою кроватку, и через минуту оба малыша уже спали.

На следующий день Анютка проснулась в прекрасном настроении. Сквозь ледяные узоры на окнах комната наполнялась белым зимним светом. На балконе звенели синицы. И хотя в комнате было тепло, Людвиг сразу учуял доносившийся с улицы дымный запах мороза, и тревожно похрюкивал в своей люлечке. Дождавшись, пока родители выйдут из комнаты, Анютка накормила Людвига печеньем, и дала попить молока из своей бутылочки. К счастью, Людвиг был легок в уходе – он по многу спал, не издавал громких звуков, и ел

все, что ему предложат. Он очень быстро набирал вес и развивался.

Спустя несколько дней, переодевая Людвигу, Анютка, к своей великой радости, заметила, что на локтях и коленях малыша наметились роговые чешуи, а на одном пальчике проклюнулся первый коготь. «Парень пошел в рост!» – с радостью заключила про себя Анютка. Питание юного пощупа было очень разнообразным – молоко, творог, крупы, но больше всего мальчонка полюбил мясные кошачьи консервы, которые он лихо вскрывал своим единственным когтем.

Анютка с большой нежностью заботилась о малыше, и он отвечал ей тем же. Он даже пытался сказать ее имя, но вместо «Анютка» выходило только «Ню-Ню». Несмотря на то, что девочка с радостью относилась к своим обязанностям, она все-таки уставала. Тяжелее всего было скрывать Людвигу от родителей. Приходилось все время действовать тайно, украдкой, и это утомляло больше всего. Несколько раз Анютка хотела открыться папе и маме, но всякий раз её удерживала мысль – а вдруг родители не одобряют появления в доме пусть даже и юного, но всё-таки пощупа. Были минуты, когда Анютке приходилось особенно тяжело. Однажды вечером Людвиг почувствовал себя плохо. У него пробивались новые чешуи на спине, и парня лихорадило. К тому же на улице усиливался мороз, дул ледяной ветер. Это усугубило состояние малыша, он стал постанывать и звать девочку: «Ню! Ню!». Но родители еще не спали и Анютка не могла

подойти к малышу, чтобы не рассекретить его. В ожидании, когда родители заснут, Анютка лежала и беззвучно плакала от отчаяния.

– Что это за странные звуки? – спросила мама, прислушиваясь к стонам маленького пощупа.

– Это ветер гудит в окне, – ответил папа, и скоро родители захрапели.

Анютка сразу бросилась к Людвигу, и всю ночь не отходила от него. Поила его тёплым молоком с мёдом, а чтобы снять боль, массировала и растирала спинку. Скоро малышу стало лучше, и он заснул, но сквозь сон ещё долго повторял жалобно: “ню, ню...”.

Как уже было сказано, Людвиг быстро развивался. Теперь по ночам он покидал свою люлочку и отправлялся на кухню в поисках кошачьих консервов. Он уже не ждал, пока Анютка его переоденет, а сам снимал свои мокрые штанишки и развешивал их на бортах люлочки для просушки. Дружба между детьми крепла с каждым днем. Пощупы – очень грубый и суровый народ, и ни один пощуп не получал и сотой доли той любви и заботы, что выпала Людвигу. Когда Анютка заглядывала в люльку к малышу, его малюсенькие глазки, утопающие в глубине головы, светились от счастья.

Людвиг тосковал по лесу, и девочка это чувствовала – каждый раз с прогулок она приносила ему то шишку, то еловую веточку. Однажды, вернувшись с прогулки, Анютка не нашла на прежнем месте люлочку с пощупом. Девочка в

панике обежала всю квартиру – нигде её не было. Анютка пыталась спросить у родителей – но те, как всегда, не понимали её. Им казалось, что их дочка ещё не умеет разговаривать. Анютка ещё какое-то время металась по комнате, потом упала в свою кроватку и заплакала. Оказывается, несколько дней назад у неё родилась троюродная сестричка Машенька, ей и отправили люлочку. Анютка с папой как раз гуляли, когда пришли забирать люльку. Людвиг сразу почуял неладное, запаниковал и забился на самое дно, под матрас. В спешке его, конечно, никто не заметил.

Глава IV

Оказавшись в чужом доме, Людвиг в тревоге и тоске лежал под матрасом и еле сдерживал плач. Дождавшись, пока все уснут, он вылез в поисках укрытия, прогрыз дырку в диване и ушёл туда, в душные ватные глубины.

Машенька была ещё совсем маленькая, и помощи Людвигу ждать было неоткуда. Бедный маленький пощуп был вынужден сам заботиться о себе. По ночам он вылезал и искал пищу, допивал из Машуткиной бутылочки и высасывал сок из комнатных растений. А потом, в глубине дивана, не в силах справиться с нахлынувшей тоской по Анютке, плакал и звал тихонько: «ню, ню, ню».

А Анютка все эти дни не находила себе места. Она поте-

ряла покой, и сквозь слёзы снова и снова спрашивала маму «где люлочка, где Людвиг?». Но родители вместо этого слышали обычный младенческий лепет «лю-лю-лю», растерянно смотрели друг на друга и ничего не понимали.

От сильных переживаний девочка заболела. «Аллергический дерматит» – был поставлен диагноз, и началось долгое и бесполезное лечение. Таблетки и мази не помогали Анютке ни вернуть Людвига, ни забыть его, и девочка продолжала покрываться корочками.

Так прошёл месяц. Только один папа чувствовал, что дело здесь не в аллергии. Каждую ночь дежурил он возле Анюткиной кровати, вглядывался в тревожно вздрагивающее во сне лицо и пытался разгадать тайну своей маленькой дочери. Однажды, делая уборку, мама извлекла из-под кровати два странных предмета, сплетённые из коры и веточек.

– Что это? – воскликнула изумлённая мама.

– Впервые вижу, – сказал папа. – По-моему, это снегоступы.

Следующей ночью, размышляя о таинственной находке, папа наконец всё понял. Он разбудил дочь:

– Я всё знаю, Анютка. Кто-то пришёл из леса в снегоступах, а потом прятался в люлочке. Так? Кто эти лесные существа?

– Лю, – услышал он в ответ.

– Людоеды?! – в ужасе прошептал папа.

Анютка замотала головой...

– Пощупы? – наугад перебирал папа.

И вдруг девочка кивнула.

Глава V

На следующий день папа с Анюткой мчались за Людвигом. Они так волновались, что не могли даже говорить. Наконец, они прибыли. Еле дождавшись, когда откроют дверь, они быстро проследовали в комнату и устремились к люлечке. Там безмятежно спала Машенька. Людвиг нигде не было видно. Но и папа, и дочь верили, что пощуп здесь, что ему удалось укрыться.

Мама Машеньки пригласила гостей к столу и все расселись по местам. В прихожей папа оставил чуть приоткрытой большую хозяйственную сумку, на дне которой лежали кошачьи консервы. Теперь он под всяким предлогом вставал и выходил в коридор. В очередной раз проверяя сумку, он заметил, что там ворочается кто-то щетинистый. Папа вернулся к столу и едва заметно кивнул Анютке. Гости сразу же засобирались домой.

Выйдя из квартиры с тяжёлой сумкой за спиной, папа и Анютка, не чуя под собой ног, шли, сами не понимая куда. Наконец, оказавшись на заброшенной трамвайной остановке на краю парка, они открыли сумку. Девочка и пощуп встретились как старые боевые друзья, обнялись, заплакали.

Папа с Анюткой, чтобы не волновать маму, решили держать Людвиг в секрете, и когда вернулись домой, спрятали его в глубине шкафа, под завалами старой обуви. От счастья, что Анютка выздоровела, в голове у мамы затуманилось, и она не замечала ничего странного вокруг. Она не обращала внимания на то, что папа и дочь целыми днями кружат возле шкафа. И даже то, что коту на день покупается пятнадцать мясных консервов, не вызывало у неё подозрений.

Так Людвиг прожил до конца зимы. А в последнюю ночь февраля явились старшие пощупы, чтобы забрать своего малыша. Как произошла встреча родителей с сыном, Анютка не видела. Когда пощупы разбудили её, Людвиг уже был у них на руках – они самовольно извлекли его из шкафа.

– Анютка, – сказал папа-пощуп. – Я вижу, ты не подвела нас. Людвиг в прекрасной форме. Но теперь мы его забираем. Мы скучаем без него, – при этих словах из глубины папиной головы вытекла слеза, но он быстро смахнул её когтем.

– Я не против, – сказала Анютка. – Малыш должен воссоединиться с семьёй. – Можно я разбужу папу? – спросила девочка. – Он хотел бы попрощаться с Людвигом.

– Нет, – сказал пощуп. – Это слишком опасно. Мы хотим уйти тихо.

И они двинулись к выходу. Анютка смотрела на Людвиг, его головка лежала на мамином плече, из-за темноты, глаз его она не видела, но чувствовала, что из таинственных глубин на неё сейчас устремлён взгляд, полный нежности. Уже

в дверях пощуп обернулся:

– Твой папа надёжный человек?

Анютка кивнула.

– Ладно, будете с ним у Чёрного озера гулять – заходите. Ты знаешь, где мы живём. Людвиг будет рад, – сказал он и вышел.

Забравшись на стол, Анютка долго стояла у окна, и провожала взглядом три кряжистые фигуры, которые брели по сугробам в сторону леса. Последняя в этом году выюга подгоняла их в спину, и косматые волосы, словно чёрный дым, клубились у них над головой.